

— Неплохо, — немного подумав, Се Сюэчжоу всё же отпустил шутку. — Если говорить о том, что я придиричив, то сам-то ты сильно лучше?

— Специально для тебя приготовил, — пояснил Цуй Ихань.

После этих слов все присутствующие рассмеялись.

Цуй Ихань тоже почувствовал, что выглядит немного неловко, поэтому слегка кашлянул и не стал продолжать этот разговор.

От Се Сюэчжоу веяло холодом — это чувствовали абсолютно все. Такова была его манера поведения со всеми подряд, без какого-либо личного подтекста, так что было очевидно: к самому Цуй Иханю он никакой злобы не питает.

Цуй Ихань и сам это прекрасно понимал, потому и вёл себя подобным образом. Если бы Се Сюэчжоу открыто демонстрировал недовольство, Цуй Ихань, скорее всего, попытался бы сменить подход.

В конце концов, встретиться с Се Сюэчжоу для него не составляло особого труда.

Главной причиной, почему Се Сюэчжоу немного успокоился, было понимание того, что в истории с подменой детей Цуй Ихань — не более чем жертва. Строго говоря, если уж кому и полагалось жаловаться, так это ему самому.

Его размеренную жизнь разрушили чужие прихоти. Дожив до таких лет, никто уже не оглядывается назад, чтобы разбираться в тех старых событиях. И Цуй Ихань, и Се Сюэчжоу уже выросли, и та среда сформировала их такими, какие они есть сейчас — изменить хоть что-то уже не получится.

— Сяо Чжоу, я не собираюсь ставить тебе условия или пытаться шантажировать тебя тем, что у меня в руках, — произнес Цуй Ихань. — К тому же, если наши корпорации схлестнутся в открытую, обе стороны понесут лишь тяжелые потери. Ты не хочешь подобного, и я отлично это понимаю, так что провоцировать тебя не стану. Можешь спать спокойно.

Се Сюэчжоу догадывался, что эти слова сказаны лишь для того, чтобы его успокоить. В конце концов, судя по внешним проявлениям, это он сам смотрел на Цуй Иханя с недоверчивой настороженностью.

На самом деле Се Сюэчжоу вёл себя весьма консервативно и не стал бы предпринимать никаких шагов, если бы не чувствовал угрозы. Впрочем, на данный момент они вполне могли мирно сосуществовать с Цуй Иханем.

— Давай лучше поедим, — Се Сюэчжоу дал понять, каково его отношение к происходящему.

На лице Цуй Иханя играла улыбка. На самом деле ему очень нравилась эта прохладная отстраненность Се Сюэчжоу. У него самого всегда было множество задумок, но озвучивать их он не любил, как не любил и суетиться без нужды. Казалось, в вопросах человеческих отношений он шевелился и проявлял хоть какую-то инициативу лишь тогда, когда ситуация становилась безвыходной.

— Во сколько планируешь отдыхать? — поинтересовался у него Цуй Ихань.

— Сразу после еды. Вообще-то я думал, у тебя есть какие-то важные речи для выступления, но раз их нет, мы все просто вернемся по своим местам, — ответил ему Се Сюэчжоу.

Цуй Ихань рассмеялся:

— Сяо Чжоу, ты ведь ради меня специально ждал? Ты просто чудо.

Се Сюэчжоу: [...]

Он давно знал, каков тот по натуре, но перед лицом такой беспардонности всё равно ощущал свою беспомощность. Ему казалось, что Цуй Ихань совершенно не похож на остальных: если другие добиваются успеха благодаря способностям и таланту, то Цуй Ихань берет совсем другим...

Полным отсутствием стыда.

Просто слов не было.

Но это была его прирожденная черта характера, никак не связанная с отношением к нему самого Се Сюэчжоу.

Иначе Се Сюэчжоу непременно начал бы винить себя за то, что ввязался в подобную головную боль.

Позже он ушел внутрь здания, твёрдо решив завтра же не оставаться здесь.

Что там думает Цуй Ихань, его вообще не касалось.

Се Сюэчжоу считал, что каждый должен сам отвечать за собственные мысли. Если бы человек мог получать всё, чего ни пожелает, просто по своему хотению, тогда многие вещи в этом мире стало бы невозможно объяснить с точки зрения здравого смысла.

Даже если Цуй Ихань и впрямь был выдающимся человеком, ему всё равно приходилось

бороться за то, чтобы хоть чего-то добиться. Нельзя же было заявлять, будто сам Се Сюэчжоу станет просто так раздавать ему всё подряд.

Се Сюэчжоу отродясь не занимался благотворительностью и вовсе не считал, что Цуй Ихань относится к числу людей, с которыми ему обязательно нужно заводить знакомства.

Как бы то ни было, Се Сюэчжоу не любил сам наживать себе проблемы.

Ранним утром следующего дня, закончив умываться, Се Сюэчжоу обнаружил, что Цуй Ихань уже поджидает его снаружи.

— Это что еще значит? Боишься, что я сбегу? — Се Сюэчжоу не стал ничего скрывать и прямо озвучил свою догадку.

— И в мыслях не было, — возразил Цуй Ихань. — Ты бы не стал. Даже если бы действительно решил уехать, то всё равно предупредил бы меня.

Услышав это, Се Сюэчжоу умолк. В этом отношении они, похоже, были похожи: оба считали друг друга людьми достаточно честными и прямолинейными.

Многие поступки Цуй Иханя Се Сюэчжоу решительно не одобрял, но главным образом потому, что те затрагивали его самого. Будь иначе, он бы и вовсе не стал утруждать себя оценками.

Каков Цуй Ихань на самом деле — по большому счету, его не волновало. Се Сюэчжоу не из тех, кто станет изводить себя самоедством; скорее уж он просто понятия не имел, как именно ему следует вести себя с Цуй Иханем.

— Цюэ Фань тоже проснулся, пойдем завтракать вместе, — холодно бросил Се Сюэчжоу.

— Я же не против, брать с собой помощника — это вполне нормально, — ответил Цуй Ихань, которому вся эта ситуация показалась даже забавной: Се Сюэчжоу выглядел так, словно пытался перед кем-то оправдаться.

Хотя сам-то он с самого начала ни капли не возражал.

Впрочем, думая об этом, вслух Цуй Ихань озвучивать ничего не стал.

Стоило Се Сюэчжоу догадаться об этом, как он тут же принял бы еще более надменный вид — он ведь испокон веков ни во что не ставил Цуй Иханя.

Просто он действительно умел уважать чужие границы и, если чувствовал, что что-то может

вызвать у человека дискомфорт, старался слегка сдерживаться, чтобы не доставлять никому лишних хлопот.

Вскоре Цюэ Фань и впрямь появился перед ними, и Се Сюэчжоу позвал его с собой на завтрак.

Хотя на душе у Цюэ Фань скребли смутные сомнения, расспрашивать он ни о чем не стал.

Разумеется, как помощник Се Сюэчжоу, он во всем следовал за своим руководителем, однако в присутствии Цуй Иханя неизменно сохранял настороженность.

Цуй Иханю волей-неволей становилось смешно: они охраняли Се Сюэчжоу от него так, будто он был каким-то исчадием зла.

Завтракать они отправились не в отеле, а за его пределами. У Цуй Иханя всегда на примете находилось местечко, которое стоило порекомендовать. И хотя сам он вырос не в этих краях, было очевидно, что приемные родители Цуй Иханя здесь неплохо устроились и имели серьезный вес.

Судя по бамбуковой роще и выбранному ресторану, чувствовалось, сколько душевных сил они в него вложили. Кроме того, создавалось полное впечатление, что эти люди с самого начала знали: Цуй Ихань — их кровный ребенок, просто волею судеб заброшенный в чужие края. Кем бы он ни решил стать в будущем и надумает ли возвращаться к истокам — неважно, но они ни за что не позволили бы ему чувствовать себя одиноким листком, сорванным с ветки.

— Цуй Ихань, поначалу я еще сомневался в твоих словах, но теперь вижу, что они действительно тебя любят, — произнес Се Сюэчжоу. — Не буду говорить банальности вроде нет худа без добра, но то, что твоя жизнь сложилась неплохо — и впрямь замечательно.

На этот раз Се Сюэчжоу говорил совершенно искренне, так что даже Цуй Ихань не нашёлся что парировать.

Цуй Ихань повернулся к нему и признался:

— Скажу тебе честно: о том, что меня подменили, я знал, но на них я никогда не затаивал обиду.

Слушая его, Се Сюэчжоу уже примерно догадывался, на кого именно тот на самом деле обижен.

По-настоящему Цуй Иханя злили его биологические родители — те самые, что вовсе не желали появления этого ребенка, а преследовали исключительно собственные интересы.

Более того, они еще и требовали, чтобы сын, которого они никогда не воспитывали, пахал на них. Для самого Цуй Иханя это звучало полнейшим абсурдом.

У него была любящая семья, и по-настоящему хорошими родителями для него стали именно приемные отец и мать.

— Они ведь еще живы, верно? — поинтересовался Се Сюэчжоу.

— С чего ты взял? — услышав такой вопрос, Цуй Ихань невольно удивился.

— Каждый раз, когда ты упоминаешь приемных родителей, твой взгляд задерживается в определенной точке, к тому же явно чувствуется эмоциональная привязанность, поэтому и паузы получаются длиннее обычного.

Цуй Ихань рассмеялся:

— Не ожидал, что ты станешь так внимательно ко мне приглядываться.

— Просто пытаюсь получше узнать тебя, чтобы потом, если ты решишь на меня напасть, у меня нашлось хоть какое-то противоядие, — с предельной честностью ответил Се Сюэчжоу, и от этой прямоты его слова вовсе не казались неприятными.

— Сдаюсь, — покачал голову Цуй Ихань. — От твоих слов создается впечатление, будто мои родители — жуткие монстры.

Се Сюэчжоу вдруг умолк. Мысленно припомнив собственные взгляды на жизнь, он осознал, что они с Цуй Иханем и правда во многом отличаются.

— Разве обязательно выражаться так резко?

Глава 13. Свобода

Цуй Ихань продолжил:

— С их-то отвратительным характером... как они вообще умудрились вырастить настолько чистого и доброго человека, как ты? Как у них язык поворачивается обманывать самих себя и уверять, будто ты — их сын?

Се Сюэчжоу: [...]

Цюэ Фань: [...]

Даже из уст Цуй Иханя подобные крамольные речи звучали так буднично, что никто бы и не удивился — казалось, для него говорить такое было вполне в порядке вещей.

Се Сюэчжоу и сам не понимал, что с ним творится. Обычно он с презрением относился к подобным людям, но когда так говорил Цуй Ихань, почему-то не находил в этом ничего предосудительного.

Он даже пытался убедить себя в том, что люди по своей природе многогранны и отличаются друг от друга, и нет никаких причин требовать, чтобы каждый соответствовал какому-то определенному шаблону. Но раньше он никогда так не рассуждал: ему нравились добрые люди из мира общепринятых ценностей, и он точно так же наравне со всеми осуждал тех, кто шел против устоев.

Даже если он редко высказывался вслух, его собственные принципы оставались неизменными.

Се Сюэчжоу оборвал его:

— Я проголодался, прекращай болтать.

Цуй Ихань лишь с улыбкой покачал головой, никак не комментируя его попытку намеренно сменить тему.

Они с самого начала прекрасно знали, насколько у них разные характеры.

Цуй Ихань откровенно валял дурака, выражался и действовал предельно прямо, словно его вообще ничего не волновало.

Для большинства людей общепринятые рамки имеют огромное значение, и если он абсолютно ими пренебрегал, это могло означать лишь одно: с самого детства у него было достаточно свободы.

Се Сюэчжоу хоть и находил его дерзость чрезмерной, но в глубине души всё же немного завидовал.

<http://bllate.org/book/25310/3017022>